

Моё запястье, всё ещё находящееся в ловушке, резко дернули. Застигнутый врасплох, я не успел защититься. В мгновение ока, с глухим стуком, меня повалили вниз, прижав к его боку, пока он растянулся на диване.

— Отпусти меня!

Его хватка сковала не только моё запястье, но и талию. Дыхание стало прерывистым. Я сопротивлялся, но то ли из-за его внушительных размеров, то ли из-за силы, я не мог вырваться из его руки, крепко обхватившей меня.

— Перестань дёргаться. Это утомляет.

— Отпусти!

— Я так чертовски хочу спать... кажется, я не спал несколько дней.

«Прошло две недели, а не дни», — горько подумал я, сузив глаза.

— Так что... Не убегай. Просто лежи смирно.

Его голос замедлился, растягиваясь, словно зажёванная плёнка в магнитофоне. Каждый раз его влажное дыхание касалось моей шеи, заставляя меня вздрагивать. Я замер, боясь пошевелиться.

Он спокойно поглаживал меня по талии и животу. От его прикосновений мои плечи стали твёрдыми как камень. Но, не замечая моего состояния, он продолжал ласкать — мягко, нежно, как делал это когда-то раньше. Тогда я даже позволил себе поверить — по глупости, — что, возможно, я ему небезразличен. Что, возможно, я ему нравлюсь.

— Уйди.

Это давно похороненное воспоминание вспыхнуло с невыносимой силой. Я схватил его за запястье и оттолкнул. Он отпустил слишком легко, словно от удивления, его рука осталась висеть в воздухе.

— Не слишком ли я избаловал тебя в последнее время?

В его голосе слышалась улыбка, сладкая, как мёд. По моим рукам пробежали мурашки.

— Подумать только, ты посмел переступить через меня вот так... неужели?

Прежде чем я успел среагировать, его рука снова сжала моё запястье, выкручивая его так сильно, что у меня вырвался стон. Я нахмурился. Я пытался высвободиться, но он, одурманенный, лишь сжимал и крутил руку, словно безумец. Казалось, он может её сломать.

— Отвечай мне, Санни. Я слишком сильно тебя избаловал?

— Кх... нгх, нет. Нет, не слишком.

Слова обжигали язык, но что ещё я мог сказать? В его глазах я был всё тем же послушным псом, что и десять лет назад. Даже если бы он сейчас был в здравом уме, разве что-то изменилось бы? Скорее всего, нет. Но я — я изменился.

Тогда я не мог ему отказать, мне не хватало смелости дать отпор. Всё, что я мог — это кланяться в ноги, выполняя любые его приказы. Вот почему в прошлый раз он был так шокирован, увидев, что спустя десять лет я стал другим человеком.

— Я буду... Вести себя хорошо.

Проглотив ярость, я расслабил плечи. В схватке с человеком, потерявшим рассудок, непокорность принесла бы мне только боль. Лучше выждать время и не провоцировать его.

Услышав мои покорные слова, Константин, наконец, удовлетворенно улыбнулся, сильнее обняв меня за талию.

— Хорошо. Так лучше. Мне нужно сначала поспать, так что будь хорошим мальчиком и жди. Когда я проснусь, я дам тебе то, чего ты так жаждешь. Сейчас... я так хочу спать, что даже не могу его поднять. Настоящая проблема.

«Что за чертовщина? Он совсем рассудок потерял?»

Жар ударил мне в лицо, щёки, уши и шея горели. Кулаки дрожали. Если бы я мог, я бы снова ударил его по лицу прямо здесь.

Но моё тело словно заледенело, не в силах пошевелиться. Запертый в его объятиях, я оставался неподвижным. Совсем как раньше, будто я снова стал его послушным псом, смиренно ожидающим приказов.

Его дыхание касалось моего затылка, пока он то проваливался в сон, то выходил из него, каждый раз прижимая меня к себе всё крепче. Каждое прикосновение заставляло меня вздрагивать, нервы были на пределе. Он ненадолго просыпался, цеплялся за меня, а затем снова погружался в забытё. И на протяжении всего этого времени я не мог пошевелить и пальцем.

Эта пытка временем выжигала последние нити моих нервов, тянись бесконечно долго.

Первый декабрь, который я встретил в университете — и который должен был стать последним — выдался невыносимо холодным. Снег порой валил так густо, что трудно было что-то разглядеть впереди. И всё же праздничная атмосфера напоминала каждому, что конец года близок. Ещё до наступления декабря улицы заполнили рождественские украшения, а отовсюду лились рождественские гимны.

Все ворчали из-за экзаменов, твердя, что умирают от нагрузки, но не могли скрыть радости. Как только закончатся экзамены, начнутся зимние каникулы с рождественскими праздниками, и в преддверии конца года все были воодушевлены. Казалось, я был единственным, кого это не трогало.

У меня не было причин для радости. Я планировал остаться в общежитии на время каникул. По сравнению с длинным летним отпуском, зимний перерыв был коротким, и казалось расточительством тратить столько денег на авиабилеты ради короткой поездки домой. Хуже того, если бы я вернулся сейчас, отец мог вообще запретить мне возвращаться в учебу. Это было последнее, чего я хотел.

Поэтому, как бы сильно я ни скучал по матери и Чхэ-ён, мне приходилось терпеть до лета. Остаться одному будет тяжело, но другого выбора не было. Я вздохнул и покачал головой. Лучше отбросить мысли о семье и зарыться в подготовку к экзаменам.

В тот день я тоже провёл всё время в библиотеке, вернувшись только вечером. Когда Константин звал, я всегда должен был приходиться, но в последнее время он был так занят, что я почти не видел его даже в общежитии. Для меня это было облегчением.

Я слышал, что он завален не только экзаменами, но и всевозможными предновогодними вечеринками. До выпуска оставался всего один семестр, и он уже посещал деловые приёмы, мелькая в обществе и налаживая связи. Пропустить важную вечеринку было для него невыносимым.

Я полагал, что сегодня он тоже задержится. Весь день его не было видно, так что это было очевидно. Когда он был в кампусе, меня постоянно дёргали по разным поручениям. Сегодня же вечер был идеально тихим — верное доказательство того, что его нет рядом.

В общежитии тоже было тихо, холодный воздух витал в пространстве, пустовавшем весь день. Я осторожно пересек гостиную, зашёл в комнату и принял душ. Когда я вышел, в гостиной по-прежнему царил тишина. Его не было дома.

Как и ожидалось. Сегодня он не вернётся. Испытав облегчение, я окинул взглядом безмолвную комнату, а затем мягко прошествовал на кухню, намереваясь выпить стакан воды после горячего душа.

Но не дойдя до холодильника, я замер. На круглом мраморном столе лежало пальто Константина. Я стоял и тупо смотрел на него, забыв о жажде.

На долгое мгновение мой взгляд оказался прикован к нему. Затем я невольно подался вперёд и коснулся его кончиками пальцев. Ткань была мягкой, дорогой — без сомнения.

Я не должен был этого делать, но мне нравилось ощущать её. И этот едва уловимый след его парфюма... Я погладил пальто, замороженный, словно ласкал его самого.

Живя с ним, мне не потребовалось много времени, чтобы понять: Константин, которого видел мир, не имел ничего общего с настоящим человеком. Безупречные манеры, идеальный джентльмен — всё это было ложью, притворством. Сначала я был разочарован.

Но моё сердце уже было украдено. Сколько бы я ни ругал себя, я не мог остановиться. Даже зная, что он плохой человек, даже вздыхая от разочарования, каждый раз, когда я видел его, моё сердце пускалось вскачь. Эта реакция была выше моего контроля.

«Дело не в том, что я хочу, чтобы он мне нравился...»

Возможно, с того самого момента, как я впервые влюбился, на мне была поставлена метка. Даже зная, что его улыбки фальшивы, я всё равно любил их. Его спокойный низкий голос, его яркую улыбку, когда глаза сужаются, глубокие ямочки на щеках — я любил всё это.

Чем больше я узнавал его, тем сильнее становился мой страх. Но чувства в моей груди только росли, а не увядали. Глупо, безрассудно.

Сам того не замечая, я прижал его пальто к груди, зарылся в него носом, глубоко вдыхая. Его аромат наполнил мои лёгкие, одурманивая меня. Держа его, я потерял счёт времени.

Затем — щелчок замка, свет у двери вспыхнул. Вздвогнув, я вскинул голову и отбросил пальто обратно на стол.

Но высокая фигура уже вошла внутрь. Константин, в чьём опоздании я был так уверен, стоял там, глядя прямо на меня. Моя спина одеревенела.

Его изумрудные глаза странно мерцали, скользя по мне с головы до пят с примесью забавы и любопытства. Его взгляд говорил о том, что он видел всё.

У меня перехватило дыхание. Стыд сковал пальцы ног, лицо горело так сильно, что, казалось, я сейчас вспыхну.

«Санни, я давно знал, что нравлюсь тебе. Но если ты проявляешь это таким вульгарным

способом... это беспокоит».

Константин улыбнулся, медленно проходя внутрь. Только тогда я понял, как небрежно я был одет. Только что из душа, я накинул лишь футболку и трусы, думая быстро выпить воды и вернуться к себе.

Край футболки оставлял мои голые ноги и очертания тела под тонкой тканью открытыми. Я был слишком уверен, что его не будет дома.

«Значит, в таком виде ты мастурбировал с моей одеждой?»

Моё лицо вспыхнуло красным. Выпуклость под тканью трусов была заметна. Я рванул футболку вниз, дрожащими пальцами тщетно пытаюсь скрыться.

«Ты подгадал время к моему приходу? У тебя такое невинное лицо, но, возможно, ты хитрее, чем я думал».

— Э-это...

Я не мог связать и слова. Мои губы только дрожали, выпуская прерывистое дыхание.

Будучи наивным первокурсником, я понятия не имел, как спастись. В глазах поплыли белые пятна, сердце колотилось так, словно готово было разорваться. Ноги дрожали, отказываясь служить. Я хотел только одного — исчезнуть.

«Какая жалость. Меня не интересуют мужчины с членами. И уж тем более мальчики, которые устраивают такие неуклюжие выходки».

Пробормотал Константин тем самым нечитаемым тоном, опускаясь на диван. Подушки просели с мягким звуком.

Я стоял у стола, застыв, как ребёнок, ожидающий наказания. Горло горело, во рту стало болезненно сухо.

Не в силах успокоиться, я облизывал губы, нервно покусывая их. Никакого выхода не приходило в голову.

«И всё же... у тебя красивая форма ног».

Слова сорвались с его губ, тихие, как шепот, но в тишине они отчетливо прозвучали в моих ушах.

От шока я прикусил губу так сильно, что выступила кровь. Даже так, я с трудом верил в услышанное — это было слишком неожиданно.

«Тонкие, да, но линии не плохи».

На этот раз слова были четкими, намеренными. Вскинув взгляд, я увидел, что он подпёр подбородок рукой, открыто оценивая меня. Унижение едва не свело меня с ума.

«Санни».

Его голос звучал нежно, почти ласково. Я зажмурил глаза, готовясь к жестоким словам. Он никогда не бил меня, но в дни, когда его настроение портилось, он мог улыбаться и говорить с таким ядом, что всё моё тело содрогалось.

«Иди сюда».

Но вместо этого он поманил меня пальцем, улыбаясь, как озорной мальчишка. Вцепившись в футболку, я поплёлся вперёд, не в силах поднять склонённую голову. Мой взгляд естественным образом упал на его ноги.

«Только не говори мне, что этот взгляд означает, что ты до смерти хочешь лизать мои ноги».

Его низкий голос превратил мои мысли в кашу. Моё тело заметно дрожало.

— Я-я прошу прощения. Я не хотел! Я не знал, что вы придёте...

«А. Значит, ты не знал и тёрся о мою одежду?»

— Н-нет, это не...

«Санни».

Его голос стал ещё глубже, когда он произнёс моё имя. Я упал на колени, дрожа, на грани слёз. Я был в ужасе, уверенный, что он вышвырнет меня из общежития, из университета.

Нет — хуже того, мне было больно от мысли, что он может меня возненавидеть. В груди защемило. Умоляя, я запинаясь, повторяя извинения снова и снова.

«Мне не нужны оправдания. Твое лицо, твои глаза уже всё говорят — они отчаянно хотят коснуться меня».

— Э...

«Ты стоишь на коленях, как пёс, жаждущий лизать мои ноги. Разве нет?»

Всё ещё сидя, закинув ногу на ногу, он слегка постучал носком туфли. Мой взгляд приковало к ней. Слишком поздно я всё понял.

— ... Да. Я хочу.

Он снова постучал ногой, подбадривая меня.

«Тогда делай это. Я дам тебе шанс».

Он улыбнулся, его глаза сузились. Он не приказывал мне напрямую. Он заставил меня признаться в своём желании, заставил ползти самого. Скванный приказом, который не был приказом.

Я прижал дрожащие губы к его ноге. Комок подступил к горлу — было ли это горе, стыд или и то, и другое? Любить кого-то и в то же время чувствовать себя униженным, раненым.

Тем не менее, я повинился. Я поцеловал косточку на его лодыжке через ткань брюк. Я никогда ни с кем не был, даже не касался себя сам. Конечно, это было неуклюже. Я умел только подчиняться, преданно целуя там, куда он меня вёл.

«Ты действительно новичок. Я вижу, что у тебя никогда не было опыта, даже не спрашивая... Хм, как же мне это использовать?»

Это случилось, пока я всё ещё продолжал ласкать его ступню, лодыжку, затем ногу. Томный голос Константина плыл надо мной. Подперев подбородок рукой, он смотрел на меня сверху вниз, его губы искривились в кривой улыбке, словно от некой озабоченности.

«И когда дело дойдёт до моего члена, как именно ты планируешь его сосать?»

Спросил он внезапно, с выражением лица между насмешкой и раздражением. От шока я икнул. Я хотел возразить, что никогда этого не желал. Но его рука вдруг вцепилась в мои волосы, как крюк, дернув меня вверх так, что я едва мог дышать.

«У меня ни разу не вставал на парня. Но я подумал... может, попробовать разок будет не так уж плохо».

— Э-это не...

«Может быть приятно иногда немного поиграть с моим милым щенком».

С самого поступления в университет меня тянуло к Константину. Он нравился мне так долго. Но я ни разу не думал о нём как о сексуальном объекте. Моё сердце заставляло биться чаще созерцание его лица издалека, случайное столкновение или его запах. Это было всё. Я никогда не предавался похотливым фантазиям.

«Санни, я тебе нравлюсь, не так ли? Или я ошибся?»

Его вопрос оставил меня в таком оцепенении, что я не мог дышать. Подталкиваемый чем-то невидимым, я слабо прошептал: — Да.

Он слегка похлопал меня по щеке, словно успокаивая испуганного ребёнка.

«Тогда почему бы не быть жадным? Ты мог бы стать моим первым мужчиной».

— ...Что?

«У меня никогда раньше не было мужчин. Как я уже сказал, они никогда не были в моём вкусе».

Константин красиво улыбнулся. Моя голова пошла кругом. Я ясно видел, что это меня загоняют в угол, но он говорил так, будто предлагал себя мне. Ничто не могло быть более противоречивым.

И всё же... его медовые слова заставляли моё сердце биться быстрее. Стать его первым мужчиной? Мой стыд, унижение — все эти чувства разлетелись в прах, осталось только бешено колотящееся сердце. От одной этой мысли кружилась голова. Воля к сопротивлению исчезла.

Мне было девятнадцать. Наивный и глупый. Я собственными руками застегнул ошейник, который он мне предложил. Прекрасно зная, что он — огонь, который поглотит меня, я всё равно летел к нему, как мотылёк. Таким я был.

Я сошёл с ума.

Я сделал глубокий вдох холодного рассветного воздуха, выругавшись на выдохе. Моя нога пнула камень, отправив его в сторону с глухим стуком.

Когда я открыл глаза, было уже раннее утро. Всё ещё темно, но скоро взойдёт солнце. До этого момента я спал рядом с Константином. Как я мог это сделать?

Сначала я был ошеломлён незнакомой комнатой. Затем, почувствовав чужую руку, крепко обхватившую мою талию, моё тело снова напряглось. Когда я понял, что это Константин, я дернулся так сильно, что свалился прямо с дивана. Глухой удар эхом отозвался в темноте. По крайней мере, я не закричал.

Он спал мертвецким сном. Раньше, стоило мне пошевелиться, он усиливал хватку, сжимая моё запястье и притягивая обратно к своей груди. Но теперь, когда место рядом с ним опустело, он не шелохнулся. Я сидел на ковре, потрясённый, затем медленно поднялся на ноги.

Он ведь не умер, правда?

Я почти выбежал, но остановился в тревоге. Я протянул руку. Его ровное дыхание коснулось тыльной стороны моей ладони.

Жив. Этого достаточно. Какой бы ущерб [Абсент] ни нанёс его памяти или разуму — это больше не моя забота. Быть запертым всю ночь рядом с ним было более чем достаточно.

Испытывая отвращение к самому себе за то, что заснул в его объятиях, я поспешил прочь из пентхауса. Отель был окутан тяжелой тишиной, пугающе застывшей на рассвете.

Казалось, эта тишина шептала: единственный чужак здесь — я. Я шел быстро, почти как беглец. К счастью, я припарковался не на гостиничной стоянке. По крайней мере, я мог проветрить голову перед отъездом.

Добравшись до машины, я, наконец, проверил карманы. Не забыл ли я чего? Только тогда я понял, как слепо бежал. По крайней мере, кейс и пустой шприц, которые я должен был вернуть Джеффу, были на месте. С облегчением я закурил.

Дым тянулся в холодном рассветном воздухе. Прислонившись к своей развалюхе, я выкурил сигарету до конца, мои плечи опустились, когда напряжение начало уходить. Адская ночь, которой я никак не ожидал.

Несколько дней после этого я не мог спать. Я боялся, что для Константина наступят какие-то последствия, и виноват буду я. Я беспокоился, что он найдёт новый повод мучить меня. Но дни шли, а от него не было ни весточки.

Спустя неделю я почти забыл об этом. Вернее — у меня не было времени об этом думать. Чхэ-ён снова начала курс химиотерапии.

Наблюдая за тем, как она страдает от побочных эффектов, ухаживая за ней у её постели, я не оставлял в своих мыслях места для Константина. Всё, что я мог делать — это молиться, чтобы она выдержала.

— Оппа, я думаю, меня уже можно выписывать.

Чхэ-ён тонко улыбнулась, её лицо осунулось всего за несколько дней в больнице. Прошло три дня. Она точно знала, как копятся счета: десять тысяч за ночь, уже больше ста тысяч вместе с процедурами и услугами.

Она знала цену, и именно поэтому сказала это. Но я не был готов уйти, пока её состояние не стабилизируется. Тем не менее, она настаивала.

— Я хочу пойти в торговый центр.

— В торговый центр?

Она завела об этом речь внезапно. Я озадаченно посмотрел на неё, и она отвела взгляд, смутившись собственного оправдания.

— Ты говорил раньше, что нам стоит сходить.

— Ты решила, что именно хочешь?

— Да. Есть одна вещь, которую я очень хочу.

Посмотрев на неё, я, наконец, кивнул.

— Хорошо. Давай пойдём и купим это.

Я нежно погладил её по голове, кепка скрывала лишившуюся волос кожу. В чём я мог ей отказать? Она никогда ни о чём не просила. Даже на свои дни рождения она всегда говорила, что ей ничего не нужно, умоляла меня не покупать ей подарки. То, что она сказала, что чего-то хочет — впервые — значило для меня всё.

Мы быстро собрали её вещи и подготовились к выписке. Толпы людей — не самый лучший вариант, но на короткое время свежий воздух и шоппинг могли поднять ей настроение. Лучше, чем увядать между больницей и домом.

Мы загрузили машину и направились напрямик в популярный торговый центр. Он был не крытым, а под открытым небом, с фонтанами и маленькими садиками — идеальное место для прогулок. Чхэ-ён сидела в инвалидном кресле, но это всё равно ощущалось как прогулка. Теплое солнце делало её ещё приятнее.

— Такое чувство, будто я на свидании с тобой, оппа.

— Да, так и есть.

Чхэ-ён, которая почти не бывала в таких центрах, продолжала оглядываться вокруг широко раскрытыми, любопытными глазами. Улицы внутри торгового центра напоминали другой мир, полный очарования и деталей. Декабрь был в самом разгаре, и всё было пропитано духом Рождества.

Торговый центр оживал от ярко-красных лент, искусственного снега и сверкающих елок повсюду. Это было самое пышно украшенное время года. Даже в этом тёплом городе, где никогда не выпадал снег, повсюду были декорации в виде снежных бурь.

— Ого! Оппа, посмотри туда. Какое огромное дерево. Оно такое красивое, правда?

— Мм. Оно до нелепости большое.

Чхэ-ён ахнула от благоговения, раскрыв рот. В центре площади стояло массивное дерево, увешанное украшениями, снегом и мерцающими огнями. Для неё оно было ослепительным. Для меня — просто большим деревом.

— Установить такую машину, должно быть, было непросто. Разбирать будет ещё хуже.

— Серьезно? Это всё, что ты скажешь? Оно же просто сверкающее и прекрасное. Оппа, у тебя совсем нет чувства романтики. Ни капли.

Она отчитала меня за равнодушие, затем внезапно посмотрела на меня, словно ей что-то пришло в голову.

— Давай дома тоже поставим ёлку. У нас ведь осталась та, которую мы использовали каждый год?

— Да. Она должна быть в кладовке. Хочешь, я достану её сегодня вечером?

— Да, да!

Только тогда до меня дошло, что декабрь уже наступил. Я даже не думал о том, чтобы ставить ёлку в этом году, но пообещал себе, что мы достанем её сегодня вечером, как только вернемся домой. Я поплотнее укрыл её колени пледом.

— Что именно ты хотела купить?

Я наклонился, чтобы спросить, и она подняла глаза, а затем указала в сторону прилавка.

— Вон там.

Она указывала на стенд, где продавали кольца и ожерелья. Не изысканные ювелирные изделия, а в основном серебро или золото низкой пробы — дешевые вещицы, на самом деле.

— Там? Что ты можешь хотеть оттуда?

Я переспросил, но она лишь настойчиво жестикулировала. Не имея выбора, я покатил кресло к прилавку. Она сразу указала на серебряное кольцо. Простое, без рисунка, без камня — обычный ободок.

— Кольцо?

— Я хочу это. Ты купишь мне его?

Тут меня осенило — я ни разу не покупал своей сестре-подростку даже украшения. Каким же я был безрассудным братом. Чувствуя вину, я наклонился ближе и прошептал: — Тогда давай пойдём в ювелирный магазин получше.

Она вжала плечи и улыбнулась.

— Этого достаточно. Я хочу именно это.

— Но всё же...

Простой серебряный ободок выглядел слишком обычным, слишком хлипким. Я колебался, но она потянула меня за рукав.

— Даже если мы пойдём куда-то ещё, они все будут выглядеть одинаково. Давай просто купим это и пойдём домой.

Как всегда, я не мог победить свою младшую сестру. Владелец лавки поспешил подойти и подобрал кольцо по размеру её пальца. Даже когда я предложил платину или что-то с крошечным бриллиантом, она упрямо отказывалась.

— Оппа, давай посмотрим, на какой палец оно налезет тебе.

Она вдруг натянула кольцо на мой палец. То, что подходило её указательному пальцу, плотно село на мой мизинец. Мои руки не были крупными, но её пальцы были настолько тонкими, что кольцо подошло моему самому маленькому пальцу.

— Оно налезло на твой мизинец? Я и не знала, что у нас такая разница в размерах.

— Похоже на то.

— Хорошо. Тогда я возьму это.

Она ярко улыбнулась при виде этого, надела кольцо обратно на свой палец и погладила его, словно это был драгоценный дар.

Мне ничего не оставалось, кроме как протянуть карту. Она настояла на том, чтобы надеть его сразу, хотя я попросил и футляр. Всё равно я не был удовлетворен.

— Тебе правда нравится это простое кольцо? В нём нет ничего особенного.

— Нет, оно мне очень нравится. Я могу носить его каждый день с комфортом.

— Если тебе нравится, то ладно... но в следующий раз давай купим тебе что-нибудь покрасивее. Золотое кольцо с бриллиантом.

— Когда ты выиграешь в лотерею, оппа.

Ну конечно. Она уже подумала о стоимости. Мои руки крепче сжали ручки кресла. Всё, что я чувствовал — это вину за то, что моя младшая сестра беспокоится о деньгах из-за меня.

— Рю Чхэ-ён, ты недооцениваешь своего брата. У меня есть деньги и без лотереи.

Я подавил горечь, маскируя её притворным раздражением. Она весело рассмеялась.

— Иметь богатого брата — это здорово, но ты должен приберечь эти деньги для своей свадьбы. Я сама куплю себе вещи позже. Ну... Если ты всё-таки выиграешь в лотерею, я приму один подарок.

— Какая привередливая сестрёнка.

Я толкнул кресло, притворяясь, что дуюсь, и она снова затряслась от смеха. Видя её жизнерадостной, я немного успокоился, хотя всё равно было больно знать, что она всегда думает о деньгах в первую очередь.

Без сомнения, эта внутренняя борьба отразилась на моем лице. Слава богу, она не видела меня сзади. Я усиленно моргал, пытаюсь стряхнуть это чувство, но глаза всё равно жгло. Мне пришлось прижать кончики пальцев к ним, чтобы сдержаться. В этот момент—

«Что ж, свидание? Да еще и с такой прелестной юной леди? Я обижен, что ты не сказал мне».

Низкий, насмешливый голос донёлся с холодным ветерком. Глубокий, резонирующий и властный — такой голос не забывается. Мои руки сжались.

— Кто... Вы?

Высокий мужчина появился без предупреждения, наклонившись, чтобы посмотреть на Чхэ-ён в кресле. Его тень упала на неё. С его скульптурным лицом, элегантной, но повседневной одеждой и безупречным присутствием, он казался почти нереальным, когда его глаза скользнули по ней.

«Константин. Друг Санни. А вы, мисс? Вы его девушка?»

Его слова были вежливыми, игривыми.

«Друг?» Мои зубы заскрежетали. Но в присутствии Чхэ-ён я не мог огрызнуться.

— Санни? Вы имеете в виду моего брата? Ого, Санни... Какое милое прозвище.

«Правда? Я тоже так подумал».

— Но я не его девушка. Я его сестра. Мой брат может выглядеть молодо, но он на двенадцать лет старше меня.

Вмешалась она с озорной улыбкой. Константин притворно удивился, прикрыв губы рукой.

«На двенадцать лет младше? Моя ошибка. Вы такая поразительная красавица, что я запутался. Честно говоря, я ревновал, что Санни удалось поймать кого-то столь потрясающего».

— Вы мастерски лжёте.

«Это не ложь. Я никогда не лгу».

Его ответ был достаточно твердым, чтобы любой слушатель мог ему поверить.

— Ну... если вы так говорите.

Даже Чхэ-ён покраснела от того, что её назвали красавицей. Я не мог поверить своим глазам. Почему — ни с того ни с сего — Константин пытается очаровать мою младшую сестру?

«Раз уж судьба свела нас вот так, если вам еще есть что посмотреть, может, пойдём вместе? Что скажете?»

— Нет, это...

— Конечно.

Прежде чем я успел отказаться, Чхэ-ён с готовностью кивнула.

— Я никогда раньше не встречала друзей своего брата. Я так удивлена. Правда удивлена. Я даже не знала, что у него есть друзья...

— Рю Чхэ-ён.

Её безграничный восторг был унижительным. Я произнес её имя вполголоса, но она лишь рассмеялась.

— Что? Я серьёзно. Я была так же удивлена, как когда узнала, кем мой брат хотел стать, когда вырастет. Я до сих пор не понимаю — что в нём такого, что ни девушки, ни друзей?

<http://bllate.org/book/16515/1601037>